

А. А. ШАХМАТОВ

СИНТАКСИС РУССКОГО ЯЗЫКА

УЧ П Е Д Г И З
1941

А. А. ШАХМАТОВ

СИНТАКСИС РУССКОГО ЯЗЫКА

Редакция и комментарии
проф. Е. С. ИСТРИНОЙ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМПРОСА РСФСР
Ленинградское отделение • 1941 • Ленинград**

Настоящее издание «Синтаксиса русского языка» академика А. А. Шахматова является вторым изданием этого капитального, хотя и незаконченного труда одного из крупнейших исследователей русского языка. «Синтаксис русского языка» — научное исследование, в котором рядом с постановкой широких теоретических вопросов дается богатейший материал синтаксических конструкций русского литературного языка, отчасти и русских говоров, сопровождаемый тонким анализом. «Синтаксис» является пособием для студентов филологических факультетов университетов и педагогических институтов, а также для широких кругов учителей русского языка; он представляет большую научную ценность и для специалистов, работающих в области русского языка.

Редактор Н. И. Гринкова

Второе издание Тираж 10 000 экз. Подписано к печати 18/III 1941 г. М 34640. Уч.-изд. л. 51,06. Печ. л. 83³/₄. Тит. знак. в печ. л. 48 000. Цена книги без переплета 10 р., переплет 65 к. Заказ № 939.

2-я типография ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкинг» «Печатный двор» им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26. Отпечатано с матриц в типографии № 1 им. Вольдарского Управления издательств и полиграфии Исполкома Ленгорсовета. Ленинград. Фонтанка, 57

РАБОТА А. А. ШАХМАТОВА НАД СИНТАКСИСОМ

I.

«Синтаксис русского языка» занимает особое место в широкой и разнообразной научной деятельности академика Алексея Александровича Шахматова. Этот капитальный, хотя незаконченный и вышедший в печати уже в посмертном издании, труд Алексея Александровича является наиболее ярким выражением новой полосы его научной деятельности, новой сферы научных интересов, которые стали захватывать всегда живую и пытлившую мысль его в последнее десятилетие его жизни.

А. А. Шахматов — историк русского языка, его «древнейшего периода», прославленный исследователь «древнейших судеб русского племени» и истории русского летописания. Большой научный интерес Шахматова к диалектологии, его собственные исследования в этой области и огромная организационная работа в деле собирания диалектологических материалов определялись теми же его основными интересами — восстановления истории русского народа и построения истории русского языка. Данные современных ему русских диалектов являлись для Шахматова наиболее богатым и ценным источником исторических объяснений и реконструкций. Данные живых говоров являлись и основным материалом истории языка, потому что история языка для Шахматова неразрывно связана с историей его носителя-народа, и предметом исторического изучения должен быть русский язык в целом, а не язык литературы, не язык письменных памятников. Будучи одним из крупнейших представителей сравнительно-исторического языковедения, Шахматов естественно расширял рамки своего исследования за пределы русского языка, захватывая более широкую область славяноведения и привлекая к изучению индоевропейские и неиндоевропейские языки соседствующих с русскими народностей, — но в тех же целях исторической реконструкции древнейших судеб русского языка и народа.

Если обратиться к библиографическому списку ученых работ Шахматова, то при всем богатстве затрагиваемых им вопросов все же бросается в глаза их внутреннее тематическое единство: история народа и его языка в древний период, история русского летописания, диалектология, славяноведение.

Некоторые отступления от основной тематики возникают первоначально под влиянием возлагаемых на Шахматова задач широкого общественного значения: таковы порученная ему Отделением русского языка и словесности работа по составлению и редактированию Словаря русского языка,¹ а позже — его руководящее участие в работе Комиссии по вопросу о русском

¹ Работа эта началась со времени избрания Шахматова в Академию Наук, в конце 1894 г. Первые годы его академической деятельности были почти всецело посвящены работе над «Словарем русского языка», — так пишет он сам в своей автобиографии. До того редактором Словаря был акад. Грот, умерший в 1893 г.

правописании, образованной при Академии Наук в начале 1904 г.¹ Но и в этих работах ярко обнаруживаются основные научные искания Ш-а. Так, по инициативе нового редактора перед Словарем была поставлена более широкая задача, и состав его резко изменился. Если по первоначальному плану «Словарь должен быть истолкователем общеупотребительного в России литературного и делового языка», то теперь «Отделение русского языка и словесности, оставаясь при том положении, что в основу Словаря должен быть положен современный наш живой язык, решило обнять этот язык во всей его совокупности, т. е. включить в настоящее издание весь словарный материал, представляемый живыми говорами» — так говорится в Предисловии ко II тому Словаря. «Итак задача Словаря естественным образом расширилась; сначала областные слова допускались в него в виде исключений, теперь они входят в Словарь по законному праву» (там же). Так живой язык в его целом берет верх над литературным и деловым языком, ограниченным в своем употреблении и составе.

Отношение Шахматова к вопросу о реформе правописания ясно вытекает из его научного понимания языка; ясно, что он не был защитником того «орфографического мундира», в который облекли русский язык школьные грамматики XIX века и «в котором мы его застаем, правда, уже с прорехами и заплатами»;² он видел в реформе освобождение русской речи от искусственных наростов, видел новое проявление того процесса борьбы за народные начала и самостоятельное развитие, какой проходит через всю историю русской письменности.

В лингвистических и историко-литературных трудах Шахматову естественно приходилось сталкиваться с языком письменности, включая его в поле своих исследований, высказывать о нем свое мнение, хотя письменный язык никогда не занимал видного и самостоятельного места в его работах. Русская письменность возникла под влиянием древнеболгарской и развивалась под тем же древнеболгарским влиянием, лишь постепенно освобождаясь от него. По мнению Ш-а, русский литературный язык по своему происхождению — «это перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхождению своему древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличье».³ Правда, по своей близости к русскому, церковнославянский язык «никогда не был так чужд народу, как была чужда особенно германцам латынь; вследствие этого с первых же лет своего существования на русской почве он стал неудержимо ассимилироваться народному языку». Однако окончательное торжество идеи о слиянии книжного языка с народным «увидел только XVIII в., осуществилась же она только в XIX; наш книжный язык приблизился к народному весьма значительно, сохранив, однако, и до сих пор свой инославянский остов. Церковнославянские элементы, которыми пропитан этот язык, не могут быть рассматриваемы как элементы наносные, как заимствования; напротив, это остатки того общего церковнославянского основания, в которое постепенно пробивали себе путь, вытесняя исконные элементы, русские слова, русские формы и звуки».

¹ Задачей Комиссии было решение вопроса о реформе орфографии. Подготовленный Комиссией проект был утвержден только в 1917 г. и введен в жизнь уже при советской власти, с октября 1918 г.

² Цитаты из письма Ш-а, напечатанного в газете «Русь» 10 июня 1904 г., в ответ на статью К. Л. М. в газете «Новое время», резко осуждавшую самую идею реформы.

³ Очерк современного русского литературного языка, вводная глава (см. дальше).

Приведенное мнение Шахматова о церковнославянской основе русского литературного языка, о сохранении в нем до сих пор инославянского остова не может быть признано безоговорочно. Оно отражает в некоторой степени традиционное понимание литературного языка как языка гораздо более цельного по своему составу, более единого, чем это было на самом деле. Развивая постоянно идею сложности исторического процесса, Шахматов в данном случае все же несколько обобщенно противопоставляет литературно-книжный язык в целом живому языку народа также в целом, — не учитывая внутренней сложности систем того и другого, внутренних социальных и стилистических группировок, и не выдвигая идеи о самостоятельной разработке на основе восточнославянских диалектов более или менее высоких форм койна — и в разговорном языке крупных центров, и в формулах обычного права, и в произведениях фольклора; между тем такие формы койна не только проникали в церковнославянскую основу древнерусского письменного языка, но являлись важными источниками его развития; именно эти источники нашли свое яркое отражение в ценнейших деловых и художественных древнерусских письменных памятниках. Несколько позже Шахматов развивает мысль о социальных группировках разговорного языка уже в древнейший период и намечает такие группировки для Киева: язык господствующих классов, койна, отличный от говора сельских жителей — полян, и язык образованных классов (местного духовенства и других книжных людей).¹

Таким образом, русский литературный язык привлекает к себе внимание Шахматова прежде всего в том же историческом плане, как часть истории русского языка в целом и преимущественно его древнего периода. Но его не привлекает система русского литературного языка как таковая, на определенной стадии его развития, не привлекает уже сложившаяся система современного литературного языка. Это с особенной ясностью сказывается в известной лекции его на I Съезде преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях, прочитанной 29 декабря 1903 г.² III. так характеризует школьные занятия по русскому языку: «Ученики приобретают знание языка вне школы, которая со своей стороны стремится как будто только к тому, чтобы подчинить эти знания целому ряду формальных требований». На уроках родного языка «знания только дисциплинируются и, быть может, нередко суживаются, «обесцвечиваются». III. ставит другую задачу: «предметом изучения в школе должен быть весь русский язык, во всей совокупности устных и письменных его проявлений»; III. говорит о «богатейшем фактическом материале, который представляет русский язык, вятый в его целом». А задача эта, по убеждению III-а, может быть выполнена только путем исторического изучения языка, потому что «только историческое изучение языка может представить его во всем его целом, во всей совокупности отдельных его частей». В основе систематического изложения предмета (что необходимо для школьного преподавания) должно лежать научное изучение предмета; научное же изучение языка, «которое стремится к объяснению изучаемых явлений, должно быть прежде всего историческим».

¹ Введение в курс истории русского языка, 1916, с. 80—83.

² «К вопросу об историческом преподавании русского языка в средних учебных заведениях». Труды I Съезда преподавателей русск. языка в военно-учебных заведениях, Приложение III. Перепечатана в Русском Филолог. Вестнике, т. LIII, 1905 г.

II

«Очерк современного русского литературного языка» (уже цитированный выше) представляет собой курс лекций, читанных в Петербургском университете в 1911/12 уч. году,¹ — первый труд А. А. Шахматова, посвященный новой тематике. Однако в нем очень заметны исторические тенденции автора. В введении и в трех первых главах излагается история русского литературного языка и выделяются те элементы в его составе, наличие которых определяется его церковнославянской основой и дальнейшими историческими воздействиями на него; иначе говоря, эти главы, занимающие $\frac{1}{4}$ всего очерка, носят исторический характер; в введении снова подчеркивается научная ценность исторических объяснений фактов языка; в основном изложении, особенно в разделе именного склонения, исторические объяснения и восстановления также занимают значительное место и не могут быть отделены от описательной части. В то же время «Очерк» не дает полной системы фонетики и морфологии современного русского литературного языка и не ставит пока широких теоретических вопросов в области русской грамматики, хотя в нем уже выдвигается учение о сопутствующих категориях, развиваемое далее в «Синтаксисе русского языка». В некоторых разделах «Очерка» заметно влияние «Русской грамматики» Востокова.

Это первое обращение Шахматова к системе современного русского литературного языка связано с его университетским преподаванием.

С университетским преподаванием в сильной степени связано и другое обращение Шахматова к тематике современного русского литературного языка, на этот раз — к синтаксису. Синтаксис гораздо больше увлекает научную мысль Ш-а: с 1915—1916 гг. система синтаксиса становится для него едва ли не основной научной задачей; так можно судить по сохранившимся в его архиве многочисленным рукописным синтаксическим материалам, иногда с датами — начиная с апреля 1916 г.,² по повторявшимся и каждый раз перерабатывавшимся университетским курсам по синтаксису,³ по его письмам этих лет к разным лицам, по живому интересу его к вопросам синтаксиса, который он постоянно высказывая в личных беседах с окружающими. Результатом интенсивной работы мысли и неустанный упорного труда и явился «Синтаксис русского языка».

¹ В 1913 г. издан литографским путем Студенческим издательским комитетом; напечатан в издании Учпедгиза в 1925 г.; 2-е изд. — 1930 г., 3-е изд. — 1936 г.; в последнем издании помещена статья С. И. Бершштейна: «А. А. Шахматов. Методология его лингвистических исследований и его понимание истории русского литературного языка».

² Синтаксический архив А. А. Шахматова богат. В него входят небольшие критические заметки к книге Пешковского, затем следует ряд интересных датированных записок с заголовками «Мои соображения 14 апреля 1916 г.», «Мои соображения 16 апреля» и далее, затем — обширные наброски университетских курсов, планы изложения, отдельные заметки, многочисленные выборки цитат-примеров на карточках (не все карточки писаны самим Ш-м). Известно, что у Ш-а процесс обдумывания всегда сопровождался записями; он «думал на бумаге» (как сам говорил); в то же время он обычно не исправлял уже написанного текста, а писал заново, создавая новую редакцию; такими редакциями являются в значительной мере и «Мои соображения» с последовательными датами, и университетские курсы и отдельные части оригинала настоящего издания. Отсюда вытекает богатство рукописного наследия Шахматова.

³ 1916/17, 1918/19, 1919/20 уч. годы. Интересно отметить, что синтаксические занятия в университете Ш. все же начал в историческом плане: в 1914/15 уч. году он вел семинар по синтаксису Повести временных лет.

Кстати следует отметить, что из двух однотипных работ Ш-а — «Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века», 1886 г., и «Исследование о древних грамотах XV в.», 1904 г., — первая работа ограничивается разделами о звуковых и о формальных особенностях языка грамот; вторая захватывает уже целый ряд особенностей синтаксических.

Интерес А. А. Шахматова к вопросам русской грамматики и, в частности, русского синтаксиса отвечал интересам широких научных и преподавательских кругов того времени. Конец первого и начало второго десятилетия XX в. характеризуются повышенным вниманием к вопросам построения системы современного русского литературного языка, особенно системы синтаксиса, в частности к проблеме предложения. Это связывалось с движением в области психологической лингвистики, шедшим с запада, а также и с распространением идей Потебни, признанного главы психологической лингвистики в России.

За рубежом выходит «Völkerpsychologie» В. Вундта, первый том которой посвящен языку (1900 г.), далее — вызванная ею работа Дельбрюка «Grundfragen der Sprachforschung» (1901 г.); несколько позже выдвинутые психологической лингвистикой проблемы языка трекуются в русской научной литературе,¹ выходит «Синтаксис русского языка» Д. Н. Овсяннико-Куликовского,² одного из ближайших талантливых учеников Потебни; с 1907 года в Харькове издаются учениками Потебни сборники «Вопросы теории и психологии творчества», в которых пропагандируются и популяризируются идеи учителя; наконец, в 1914 г. выходит «Русский синтаксис в научном освещении» А. М. Пешковского.

Особо надо отметить работу I Съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях, в декабре 1903 г., на котором выступали с лекциями о преподавании грамматики академик Ф. Ф. Фортунатов и тогда еще только начинающий ученый Л. В. Щерба.³ Фортунатов проводил в своей лекции⁴ мысль о необходимости расчленения при изучении языка психологических его основ, с одной стороны, от фактов языкового оформления и выраженных в языке связей слов, с другой; задача лингвистики ограничивается именно этими последними фактами, и на них только лингвистика может строить свою систему. Вопрос о способах языкового оформления (что является спецификой языка) выдвигался и в учении Потебни; он нашел частичное отражение и в трудах Овсяннико-Куликовского. Но трактовка этого вопроса Ф. Ф. Фортунатовым, с выделением особых групп «неграмматических» предложений, не подлежащих вообще лингвистическому анализу, и с заменой «синтаксиса предложения» «синтаксисом словосочетания», особенно заостряла проблему синтаксиса и требовала, в случае признания, коренной ломки изложения. Пешковский построил своеобразную синтаксическую систему, в которой сочетались идеи Потебни и Фортунатова, что особенно ярко выражено в первом издании книги — 1914 г.⁵ С книгой Пешковского в первом издании познакомился Шахматов, и книга эта вызвала в нем живой интерес. В набросках на университетскому курсу,⁶ давая сжатые сведения о литературе предмета (Буслаев, Потебня, Миклошич, Дельбрюк, Вундт, Овсяннико-Куликовский), Шахматов пишет: «Совершенно особое место среди исследований по русскому синтаксису принадлежит замечатель-

¹ Д. Кудрявский, Психология и языковедение (По поводу новейших работ Вундта и Дельбрюка), Юрьев, 1905 г.; Е. Ф. Будде, Учение Вундта и Пауля о предложении, как основа учения о синтаксисе (Известия Отделения русск. языка и словесности, т. XV, кн. 4, 1910 г.); ср. также русский перевод Логина Зигварта, 1908 г.

² 1902 г.; 2-е издание — 1912 г.

³ На этом же съезде, как указано выше, читал лекцию и А. А. Шахматов.

⁴ «О преподавании грамматики русского языка в средней школе». — Труды I Съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях, 1904 г. Перепечатана в Русском Филолог. Вестнике, т. LIII, 1905 г.

⁵ См. обстоятельный критический очерк С. И. Бернштейна «Основные понятия грамматики в освещении А. М. Пешковского» в шестом издании «Русского синтаксиса», 1938 г.; см. также предисловия автора ко второму и другим изданиям, перепечатанные в шестом издании.

⁶ Архив Шахматова, № 83/8.

ной книге А. М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении». Автор назвал свой труд популярным очерком. Но я обращаю на него ваше внимание как на ценнейшее научное пособие; автор с удивительным талантом развил основные положения, добытые предшествовавшими исследователями, а прежде всего Потебней, но вместе с тем он внес в науку много нового и самостоятельного».

Обращение А. А. Шахматова к системе современного русского литературного языка и особенно к синтаксису крепко связано с широкими научно-общественными интересами и задачами. А обратившись к синтаксису, Ш. нашел в нем богатый источник для своей исследовательской мысли и создал замечательный труд, занявший одно из самых видных мест в русской лингвистике.

III

Две основные черты обращают на себя внимание при чтении Синтаксиса: психологические установки в его построении и чрезвычайное богатство языковых фактов, включаемых в систему синтаксиса.

Упомянутые выше «Мои соображения» и другие записи отражают процесс размышлений Шахматова над проблемами синтаксиса и прежде всего над отношением синтаксических конструкций к их основе в мышлении. Как будто идут колебания между, с одной стороны, признанием преимущественного значения формальных показателей языка во избежание неустойчивости психологического анализа, а с другой — преимущественной опорой на этот психологический анализ, включая сюда «изменчивое, неустойчивое настроение» психики, о котором говорит Ш. в Синтаксисе — § 6. «Конфликт», с полным убеждением разрешаемый в Синтаксисе, разрешен был не сразу.

§ 6 Синтаксиса ярко освещает процесс размышлений автора, приведший к отказу от явной первоначальной зависимости его собственного понимания психологической основы речи от понимания Габеленца, Пауля, Фортунатова. Отказ от признания психологической основой речи «изменчивого, неустойчивого настроения» дал возможность отказа и от органически связанного с этим поворота в сторону формальных показателей речи как показателей точных и отражающих специфику языка, а это обозначало отказ Ш-а от пути его учителя и друга Ф. Ф. Фортунатова.

Внимание Шахматова сосредоточивается на психологии мышления. Логика Зигварта оказала несомненное влияние на направление его размышлений; учение о представлениях он заимствует у Зигварта, дважды ссылаясь на него, но это только частичное указание на зависимость от Зигварта, которая на самом деле значительно шире. Несколько замечаний в синтаксических рукописях Ш-а кажутся показательными для хода его размышлений: Речь — «орудие внутренней жизни человеческого сознания» (№ 83/8); «В смене этих переживаний отражаются познавательные и волевые явления психики человека, отражаются также его чувства и ощущения» (№ 83/8); «Язык — орудие мышления» («Мои соображения 20 июня», приписка) Связь языка и мышления, языка и сознания ясно выражается в вводной части «Учения о предложении» и проходит через весь Синтаксис. Но Ш. стремится показать эту связь не в индивидуальных проявлениях речи-мысли, а в плане социальных функций языка; он стремится показать единство языка и мышления.

Для Шахматова язык — явление социальное. Это ярко сказывается в его трудах по истории русского языка; история языка — это история народа. И в Синтаксисе, в введенном III-м понятии «коммуникация», установка на психологию мышления объединяется с установкой на социальные функции языка. «Психологической основой нашего мышления является тот запас представлений, который дал нам предшествующий опыт и который увеличивается текущими нашими переживаниями; психологической же основой предложения является сочетание этих представлений в том особом акте мышления, который имеет целью сообщение другим людям состоявшегося в мышлении сочетания представлений; этот акт мы называем коммуникацией», — так определяется основное понятие синтаксической системы Шахматова (§ 2¹). Установка на психологию мышления и на социальные функции речи в основных синтаксических построениях в отличие от «изменчивого, неустойчивого настроения», от «воли или настроения говорящего» сказывается также в замечаниях по поводу предложений, выражающих вопрос, приказание, пожелание. В них III. видит те же «сочетания представлений, умышленно, с тою или иною целью приведенных нами в связь», и цель эта прежде всего — воздействие на слушателя. Понятие коммуникации, отражающее связь языка и сознания и социальные функции языка, заслуживает высокой оценки в системе Шахматова и является движущим моментом в истории разработки русского синтаксиса в целом.

Понимание языка как явления социального отводило III-а от «настроения говорящего». Важнейшей научной опорой явилась в этом отношении для него «Психология народов» Вундта, в которой он нашел удовлетворяющую его критику концепций Габеленца и Пауля и то положение о представлениях, господствующих по воле или настроению говорящего, которое, объясняя индивидуальные особенности живого языка, только крепче утверждает социальную сущность природы грамматических категорий, а тем самым внутреннюю закономерность связи языка и мышления. Знаменательны в этом отношении слова Шахматова: «положительному и последовательно проведенному требованию грамматики не может противоречить психологическая природа соответствующих грамматическим формам представлений» (§ 5). Конечно, понимание социальной сущности языка на основе «психологии народов» не может удовлетворить современного читателя; современный читатель легко вскрыет идеалистический характер этого понимания; социальное в «психологии народов» по существу лишь общиндивидуальное, не связанное с формами общественного бытия, не знающее законов общественного развития. Не удовлетворит современного читателя и понимание общения, как «сообщения другим людям состоявшегося в мышлении сочетания представлений» (§ 2); ведь задача речевого общения — сообщение не о сочетании представлений, а о каком-либо реальном содержании, о том объективном, что лишь оформляется в речи путем сочетания представлений, отражающих или представляющих это объективное. Но все же надо признать ценным ясно выраженное стремление автора исходить в Синтаксисе из социальной основы языка.

С установкой на социальную сторону языка связано признание основой речи предложения как выражения коммуникации. Построение Синтаксиса на основе предложения, отражая передовые течения лингвистической мысли XIX—XX вв., сыграло большую роль в деле борьбы с формалистическим пониманием синтаксиса как учения о словосочетаниях, о связях слов. Такое же

значение имеет учение Шахматова о подлежащем и сказуемом, определяемых на основе выражаемых ими представлений (§ 5—8), а не на основе только формального их выражения (именительный падеж имени и согласованная с ним спрягаемая форма глагола).

Шахматова не привлекала к себе система современного русского литературного языка; видя в школьной грамматике только дисциплинирующие правила, суживающие и обесцвечивающие живой язык, он звал от нее только по одному пути — к историческому изучению языка. «Очерк современного русского литературного языка» не дает по существу ничего принципиально нового в общей научной концепции его автора. И только обратившись к синтаксису, Ш. находит новые позиции: рядом с историческими объяснениями языка, признававшимися единственно научными и плодотворными, выступают объяснения на основе связи языка и мышления, на основе психологии мышления, ставятся широкие проблемы теории языка; найден новый внутренний смысл научной работы, новая задача, решению которой Ш. отдается со всей энергией. Вместе с этим всегдашнее стремление к изучению языка не личного, не индивидуального, а общенародного получает в Синтаксисе тоже новое направление: рамки изучения расширяются до «человеческой речи» в целом, и от истории данного, русского языка Ш. подходит к вопросу генезиса речи. Правда, к вопросам генезиса Ш. подходит только вскользь. Интересно при этом отметить следующее его замечание: «Кроме того, всякая выработанная система отразила бы на себе этапы исторического развития, а они отдалили бы ее от основания — человеческой психики» (§ 10). История конкретных языков отрывается таким образом от вопросов генезиса речи, и единство языка и мышления не воспринимается в их исторических связях, т. е. по современной методологии — в свете единого глоттогонического процесса. Понятно, что исторические экскурсы, встречающиеся в Синтаксисе, не имеют большого принципиального значения и не выходят за пределы отдельных сопоставлений в рамках индоевропейских языков.

IV

Богатство и разнообразие материала, включаемого в синтаксическую систему Шахматова, — другая характерная (как уже отмечено) черта Синтаксиса. В привлечении богатейшего и разнообразного материала, в упорном собирании и тонком анализе его сказывается постоянное стремление исследователя к научному охвату русского языка в его целом, во всем его разнообразии, во всей совокупности устных и письменных его проявлений. Но все же в Синтаксисе Ш. нашел новые точки зрения на это богатство и по-новому подошел к его изучению. Богатство и разнообразие языка открывается в Синтаксисе не в отношении всего русского языка в целом, всех его проявлений, но в отношении, главным образом, литературного языка, так как привлечение областных и фольклорных материалов не играет существенной роли в общем построении книги. Но главное дело не в этом, а в том, что, обратившись к современному литературному языку, Ш. подметил в нем такое разнообразие живых способов выражения, живых оборотов речи, живых конструкций, что они не могли не привлечь его исследовательской мысли. В русской лингвистической литературе нет другого труда, в котором с такой очевидностью выступало бы живое разнообразие син-

таксических конструкций, который с такой очевидностью убеждал бы в необходимости широкого научного размаха и углубленной разработки материалов для построения синтаксиса и вообще грамматики русского языка. Живой языковой материал не подводится в Синтаксисе под традиционные общие рубрики, но рассматривается со стороны отличительных своих особенностей. См., например, главу об односоставных предложениях, большинство типов которых трактовалось в традиционной грамматике как неполные. В Синтаксисе они трактуются как один из основных способов выражения, что вполне подтверждается богатым материалом, и получают глубокую самостоятельную разработку. В этом, нам кажется, огромная научная ценность Синтаксиса. Детальная же классификация материалов вряд ли являлась сама по себе основной задачей Ш-а, хотя необходимость представить весь многообразный материал в системе неизбежно вела к детальной классификации. Детали классификации, может быть, носят иногда несколько механический характер (скажемое в наст. времени, в прошедшем, в будущем; разбивка «дополнительного глагольного члена» по группам глаголов в § 472 и др.); иногда примеры, кажущиеся однородными, попадают без оговорок в разные классификационные группы, иногда наоборот — разнородный материал оказывается в одной группе. Может вызвать сомнения и большая группа «двусоставных несогласованных предложений», хотя лежащая в ее основе идея имеет несомненное научное значение. Нельзя забывать, что в Синтаксисе отражается во многих частях процесс работы, предварительные наброски, а не обработанный для печати курс.

Ценность и актуальность задачи построения грамматики на основе всего богатства живых выразительных средств языка, как это показано в Синтаксисе, находит в настоящее время широкое признание. Об этом говорит поставленная перед Институтом языка и мышления им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР задача создания нормативной грамматики русского языка, это подтверждается результатами научных работ, подвергающих исчерпывающему обследованию отдельные вопросы русской грамматики, об этом напоминают затруднения, которые постоянно встают при преподавании русского языка среди нерусского населения Союза. Мы знаем грамматику русского языка вообще и иллюстрируем примерами отдельные ее положения, но мы не знаем системы русского языка в целом, со всем богатством его выразительных средств. Синтаксис Шахматова является попыткой дать такую систему.

V

К Синтаксису нельзя подходить, как к вполне законченной, доработанной системе, и от начала до конца следовать за Шахматовым, нельзя уже потому, что в Синтаксисе нет конца. С этой стороны Синтаксис Шахматова, как и известный труд Потебни «Из записок по русской грамматике», не может быть учебным курсом, который отвечал какой бы то ни было программе высших учебных заведений. Но всякому, кто хочет знать и понимать русский язык во всей сложности и многообразии его системы, кто хочет научиться работать над языком, кто размышляет над отношением языка и мышления, — для тех «Синтаксис русского языка» — настоящая книга, которую надо много читать и пересматривать.

РУКОПИСЬ «СИНТАКСИСА РУССКОГО ЯЗЫКА» И ЕЕ ИЗДАНИЕ

I

В первый раз Синтаксис был издан Академией Наук СССР в 1925/27 г.,¹ т. е. уже через несколько лет после смерти автора (16 августа 1920 г.). Издание быстро разошлось и стало библиографической редкостью.

Настоящее, второе издание имеет в виду не только общую высокую научную ценность этого труда А. А. Шахматова, но и огромное значение его как учебного пособия для высших учебных заведений, для учителей-словесников, для самообразования. С такими широкими задачами связываются и некоторые приемы издания.

II

Издание выполнено по рукописи, над которой автор работал в последний год своей жизни, вплоть до последних ее дней.

Рукопись Синтаксиса по содержанию и по внешнему виду листков, на которых она написана, неоднородна. Она представляет собой три отдельные, легко различимые группы листков.

Первая, основная часть труда содержит в себе два первые крупные отдела Синтаксиса: I. Учение о предложении; II. Учение о словосочетаниях, а также часть третьего отдела — Синтаксиса частей речи. Этот третий отдел не закончен; в нем две главы: Вводная часть и Существительное; третья глава — Местоимение — только начата. Вся первая часть рукописи написана на отдельных листках в $\frac{1}{4}$ долю листа, не считая подклеек. Страницы перенумерованы автором, их всего 294. Текст разделен на параграфы; к подразделам даны заголовки; ко всему тексту составлено оглавление. К этой же группе надо отнести отдельный листок такого же внешнего вида, содержащий в себе определение синтаксиса и перечень его отделов, хотя нумерация параграфов этого листка (§ 1 и § 2) и не входит в общую нумерацию текста.

Вторая группа листков, меньшего размера, в $\frac{1}{8}$ долю листа (67 листков), содержит в себе: а) короткое введение, излагающее деление грамматики, определение синтаксиса и перечень его отделов, б) синтаксис частей речи. Синтаксис частей речи в листках второй группы включает в себе главы по всем частям речи; но листки эти представляют собой явно черновые наброски. Первые главы этой черновой редакции значительно отличаются от соответствующих глав Синтаксиса частей речи в новой, второй редакции, относящейся к первой группе листков. Листки второй группы имеют подзаголовки, но не разделены на параграфы и не имеют оглавления. Листки эти представляют, несомненно, начальную стадию работы. На первом листке помечено: Начато 10 июля — 27 июня 1919 г.

Третью группу листков, в $\frac{1}{4}$ долю листа (около 300), не всегда целиком исписанных, составляют «Дополнения» к отдельным параграфам основного текста; они содержат в себе: а) добавочные примеры, иногда с теми или иными замечаниями; б) указания на соответствующие иноязычные, главным образом

¹ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Выпуск первый. Учение о предложении и словосочетаниях. Издано в ознаменование двухсотлетнего юбилея Академии Наук СССР. Л., 1925.

Выпуск второй. Учение о частях речи. Дополнения. Л., 1927.

инославянские, материалы, с выдержками из ряда синтаксических трудов; в) частью — замечания и поправки к основному авторскому тексту.

Общего заглавия рукопись не имеет.

Рукопись хранится в Архиве Академии Наук СССР в Ленинграде под шифром: Фонд 134, Опись 1, № 111.¹

III

В издание прежде всего входит основная часть рукописи, наиболее обработанная и оформленная самим автором (первая группа листов). Эта часть занимает более $\frac{3}{4}$ всего авторского текста. Остальной текст содержит продолжение Синтаксиса частей речи — по первоначальной черновой редакции (вторая группа листов, за исключением первых двух глав, представленных в основной части и напечатанных по ней) и Дополнения (третья группа листов).

Издание рукописи потребовало значительной редакторской обработки. Она выражается главным образом:

- а) в единичных небольших поправках к авторскому тексту, отмеченных угловыми скобками и большей частью оговоренных в подстрочных примечаниях;
- б) в вынесении отдельных частей авторского текста под строку, с соответствующими пояснениями (подстрочные примечания).

Необходимость такой обработки вызывается характером рукописи Синтаксиса.

1. Рукопись, как уже указано, не представляет собою вполне законченного труда — ни в целом, ни даже в основной своей части. В процессе работы автор вносил некоторые изменения и поправки в свою систему, не исправляя при этом иногда соответствующих по содержанию ранее написанных мест; отсюда встречаются несоответствия между тесно связанными между собою частями текста. Так, намеченный в § 221 рукописи план группировки глагольных предложений не выдерживается в последующем изложении; не выдерживается и план изложения синтаксиса словосочетаний, указанный в § 370, и др. В издании такие предварительно намеченные, но не выдержанные в дальнейшем группировки изменяются соответственным действительным группировкам ближайшего изложения; редакторские части текста берутся при этом в угловые скобки, а в подстрочном примечании приводится точный авторский текст.

Далее, в угловых скобках даются некоторые единичные поправки к опискам или пропускам рукописи, а также к неразборчиво написанным словам, если такие поправки не являются чисто техническими. Обычно редакторский текст сопровождается пояснительными указаниями в подстрочных примечаниях.

2. В Синтаксисе к теоретическому изложению и классификационным рубрикам присоединяется богатый иллюстративный материал; но иногда отдельные примеры явно не относятся к той синтаксической группе, в которую они вписаны в рукописи. В таких случаях примеры переносятся в издания из текста в подстрочные примечания, с теми или иными пояснительными замечаниями. Это делается, однако, лишь при наличии несомненных оснований, прежде всего оснований формального порядка (примеры с формами прошедшего времени в группе примеров на настоящее время; примеры с формами глагола *быть*, там где речь идет о ползузнаменательных глаголах, и т. п.); сохранение таких ошибочно не на место вписанных примеров напрасно затрудняло бы чтение и усвоение книги. Но при отсутствии несомненных и проверенных показателей примеры остаются без изменения, хотя бы они и казались неубедительными или даже сомнительными для данной рубрики.²

Выскака примеров под строку, как и пояснительные заметки к ним в подстрочных примечаниях, определяются также внешними показателями рукописи.

¹ Место первоначального хранения: Рукописное отделение Библиотеки Академии Наук СССР; шифр: Архив А. А. Шахматова, № 111.

² При общей детализации группировок все же надо иметь в виду, что нередко в первые, более общие группировки попадают примеры таких типов, которые вслед за этим выделяются в специальные подгруппы; на некоторые такие случаи указывается в Комментариях; см., например, комментарий к § 174 (*Оно помогает с голоду*).

Листки рукописи имеют многочисленные добавления, делавшиеся автором в разное время, что видно по месту записей, по цвету чернил, иногда по содержанию; многие листки, особенно двух первых отделов Синтаксиса, имеют подклейки, сплошь заполненные дополнительными записями. Дополнительные записи оформлены в рукописи двойко: или они прикрепляются особыми пометками к определенным местам текста, куда они должны быть помещены как вставки, или же они размещаются на свободных местах в конце строк, между строк, а преимущественно на полях — в виде приписок. Вставки в большинстве случаев содержат в себе дополнительные примеры, и именно в вставках и приписках особенно наблюдаются примеры, попавшие не на место (что и отмечается в подстрочных примечаниях). Как норма — вставки вводятся в изданиях в текст без оговорок, если они вполне отвечают содержанию текста.

Приписки, особенно на полях или на свободных местах в конце страницы, содержат в себе обычно дополнительные заметки автора по вопросам данного отрезка текста, не прикрепляясь точно к определенному его месту; иногда на полях или в конце страницы помещаются примеры, так или иначе связанные с содержанием данного текста, но не прикрепляемые непосредственно к той или иной классификационной группе. Все такие приписки и примеры помещаются также в подстрочных примечаниях.

В подстрочные примечания переносятся и небольшие части текста, обычно отдельные примеры, взятые автором в круглые скобки, что служит выражением сомнения автора по поводу данного примера или, может быть, намерения поместить его в другое место; нередко при скобках стоит вопросительный знак.

Таким образом изменения в тексте, затрагивающие содержание и общее построение Синтаксиса, всюду отмечены и оговорены в подстрочных примечаниях.

IV

Кроме указанных случаев, каждый раз оговариваемых в примечаниях, в текст внесены еще некоторые изменения и дополнения редактора, не сопровождаемые специальными пометками и пояснениями в каждом отдельном случае, — или потому что они одинаково проходят по всему тексту и не требуют специальных указаний в каждом отдельном случае, или потому что они носят более или менее технический характер.

1. В издании иногда даются в угловых скобках небольшие дополнительные подзаголовки, опущенные в рукописи, но ясно вытекающие из приводимых в данном тексте материалов; см., например, § 458, § 259 и др.

2. Внутри одного и того же параграфа и одной общей рубрики в немских случаях несколько изменяется порядок расположения отдельных примеров ради соблюдения авторской группировки, нарушенной в рукописи дополнительными примерами и вставками. Так, в § 425 в группе *а* примеры распределяются автором по глаголам (*просить, желать, требовать* и др.); однако в приписанных позже примерах эта группировка несколько нарушена; в издании она восстанавливается без оговорок. В § 458 в группе *а* в рукописи помещены на первом месте примеры с прилагательными в качестве дополнительного члена, а далее примеры с существительными (вставка); в издании без оговорок примеры с существительными переносятся на первое место, что соответствует общему порядку группировок в этой главе. В § 274 значительная часть примеров дается во вставках, и среди вставочных примеров попадаются явно сомнительные; в издании вставочные примеры объединены в одном общем абзаце; в подстрочном примечании к этому абзацу указывается, что все эти примеры — в вставках; таким образом содержание текста по существу не изменяется, но читатель получает некоторые ориентировочные указания.

3. Слишком краткие и поэтому не вполне ясные по содержанию и не вполне убедительные примеры-цитаты иногда несколько развертываются на основании источника, что также не оговаривается в издании. Некоторые единичные примеры опущены.

4. Изменено несколько терминов: вместо «малорусский» в издании дано.

«украинский»; вместо «великорусский» дано «русский» (что большею частью встречается и в самой рукописи); вместо «простонародный» — «народный» (что также нередко в рукописи) и вместо «диалектический» — «диалектный». В текстах из других источников сохраняется термин источника.

5. В ссылках автора на другие параграфы его труда цифры параграфов в большинстве случаев поставлены редактором, так как в рукописи обычно стоит лишь значок §, без цифры; ссылки автора на страницы рукописи заменены ссылками на параграфы.

6. Очевидные незначительные описки в рукописи исправлены без оговорок; так, в § 31 «с окраскою чувства» исправлено без оговорки на «с окраскою чувством», согласно цитируемому тексту Синтаксиса Овсянико-Куликовского, и т. п.

Также исправлены без оговорок неточные или неправильные ссылки на автора и произведение, попадающиеся в примерах-цитатах, поскольку это было замечено и могло быть исправлено. Ссылки на источник в форме *Ib.* (*Ibidem* — там же), как нередко помечается в рукописи, создавали иногда при копировании текста ошибки, в связи с вставочными примерами, нарушавшими первоначальную их последовательность. В 1-м издании оказался, таким образом, ряд неверных ссылок (в частности, несколько ссылок на Пушкина, в то время как примеры взяты у Герцена, «Былое и думы»). В процессе редактирования многие подобные погрешности удалось вскрыть и исправить, причем исправления внесены без оговорок. Описки более серьезные оговариваются в подстрочных примечаниях.

Кстати отметим, что автор в Дополнениях не столько цитировал источники, сколько передавал их содержание по интересующим его вопросам, объединяя иногда в одно целое близкие места текста, а то и два отдельных параграфа (см., например, Дополнения к § 409, ссылка на Крaснов. § 74 и сл.).

7. Разметка параграфов принадлежит автору, кроме черновой редакции Синтаксиса частей речи, разбитой на параграфы редактором. Оглавление I части дано автором,¹ других частей — редактором.

8. Техническая обработка рукописи состояла в следующем:

а) Часто встречающиеся, особенно в черновой редакции Синтаксиса частей речи, недописанные или написанные сокращенно (с опущением срединной части) слова даны в издании в полном виде; грамматические термины даны в общепринятых сокращениях.

б) Заголовки и вводимые в процессе изложения синтаксические термины выделены в издании разрядкой, что соответствует приему подчеркивания их в рукописи, хотя такое подчеркивание в рукописи не проводится последовательно. Примеры набраны в издании курсивом; разрядка в курсиве примеров-цитат указывает на слова, подчеркнутые в рукописи.

в) Стихотворные примеры набраны без соблюдения стихотворных строк, но с сохранением прописных букв в их начале (согласно с рукописью).

г) Случаи некоторой непоследовательности в орфографии (например *причем* и *при чем* и др.) и пунктуации по возможности приведены к единству.

д) В примерах-цитатах в основном сохраняется пунктуация рукописи; в некоторых случаях она вызывает сомнения и кажется несогласованной с авторским анализом текста, как, например, в предложениях со вторым и с придаточным сказуемым в § 274—279 и др. Проверка цитат по источникам показала, что или в рукописи сохраняется пунктуация источника или источники (при наличии нескольких изданий) дают разную пунктуацию. Очевидно, пунктуация цитаты не играла основной роли в синтаксическом анализе автора.

е) Круглые и прямые скобки издания соответствуют таким же скобкам рукописи; прямые скобки употребляются автором для небольших дополнений и примечаний к цитатам или к своему изложению. Слова редактора в тексте и в подстрочных примечаниях всегда отмечаются угловыми скобками.

ж) Подстрочные примечания автора отмечены звездочками, примечания редактора — цифрами.

¹ Редактором добавлены лишь заголовки в § 1 и § 1а, а также общий заголовок для этих двух вводных параграфов.

V

Сказанное о приемах передачи авторской рукописи относится ко второму изданию, пересмотренному и переработанному, и поэтому не вполне совпадающему с первым.

1. Перенос примеров под строку, небольшие изменения порядка примеров внутри данной группы и отдельные поправки к тексту проведены во втором издании более последовательно, чтобы, не нарушая содержания рукописи, освободить по возможности текст от мелких недочетов, зависящих от неокончательной отделки рукописи; такая обработка рукописи особенно целесообразна для издания Синтаксиса как учебного пособия. При переработке текст снова сверялся с рукописью.

Единичные более крупные перемещения в тексте второго издания оговорены особо в подстрочных примечаниях (см. примечания к § 1, к § 37).

В Дополнениях перенос авторского текста и примеров в подстрочные примечания ограничивается только случаями, где имеются специальные указания рукописи (приписки на полях, скобки автора и т. п.).

2. Замечания, касающиеся непосредственно передачи текста, оформляются во втором издании в подстрочных примечаниях, соответствующих в основном редакторским примечаниям первого издания, но значительно переработанных; в частности, во втором издании исключены из примечаний указания на мелкие технические поправки.

Отдельно от подстрочных примечаний даются во втором издании комментарии. Комментарии носят справочный характер и содержат главным образом пояснения и указания к отдельным параграфам, основанные на связи данного параграфа с другими, а следовательно — и с системой Синтаксиса в целом. Таким образом отмечаются и несогласованности между отдельными частями текста; это касается, в частности, сомнительных примеров, для перемещения которых под строку или в другую группу не было достаточных оснований. Само собою разумеется, указания комментариев далеко не исчерпывают сложного и богатого материала Синтаксиса.

Справочный аппарат несколько расширен во втором издании.

3. Более последовательно проведена техническая обработка текста (разрядка, добавочные заголовки в угловых сносках, система ссылок на источники и т. п.); в частности, ссылки в примерах-цитатах на том и страницу сочинений Пушкина по изданию 1838 г., встречающиеся местами в рукописи и сохраненные в первом издании, переведены на название произведения и главу, соответственно общей системе ссылок при цитатах в авторской рукописи, включая сюда и большинство цитат из произведений Пушкина.

Общий план и приемы второго издания обсуждались в Кабинете русского языка Института языка и мышления им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР.

В просмотре примеров и сверке текста с рукописью помогали аспиранты Кафедры русского языка Педагогического Института им. А. И. Герцена — Б. П. Ардентов и С. И. Груздева; аспирант Кафедры русской литературы А. И. Груздев помогал в проверке примеров по источникам.

Е. ИСТРИНА